

В.В. Солодников, И.В. Солодникова

ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ – «СРЕДНИЙ ВОЗРАСТ» ЧЕЛОВЕКА

СОЛОДНИКОВ Владимир Владимирович – доктор социологических наук, профессор прикладной социологии Российского государственного гуманитарного университета (РГУ).

E-mail: solodnikovv@mail.ru

СОЛОДНИКОВА Ирина Витальевна – доктор социологических наук – профессор факультета психологии РГГУ. E-mail: 14a20ivs@mail.ru

Авторы материала, открывающего серию статей о «среднем возрасте» как этапе жизненного пути личности, рассматривают теоретические основания вопроса (взгляды, К.Г.Юнга, Ф. Хадсона, Э. Эриксона, Дж. Марсии, Р. Джосселсон, Дж. Левинсона, П. Перуна и Д. Биелби, а также и П. Балтеса и его коллег). Резюмируется, что ключевыми концептами анализа проблемы «среднего возраста» являются Я-идентичность и задача возраста (Э. Эриксон); динамика нормативных исторических и возрастных событий (П. Балтес); переходы личности из одной возрастной эпохи в другую (Д. Левинсон) и наконец, расписание жизненных событий (П. Перун и Д. Биелби).

Ключевые слова: средний возраст; Я-идентичность; задача возраста; нормативные события; расписание жизненных событий

Исследовательский проект с условным названием “Россияне средних лет о времени и о себе”³, посвящен социологическому и социально-психологическому анализу “среднего возраста”. В реализации этого исследовательского проекта мы опирались на эмпирические данные, полученные зарубежными учеными, поскольку в отечественной науке подобные исследования крайне редки. Рассмотрим вначале теоретическое наследие таких авторов, как К.-Г. Юнг, Ф. Хадсон, Э. Эриксон, Дж. Марсия, Р. Джосселсон, Дж. Левинсон, П. Перун и Д. Биелби и П. Балтес.

Первым обратил внимание на специфику развития личности в зрелом возрасте Юнг. Отдавая себе отчет в сложности исследования, связанного с проблемами

³ Он был реализован в апреле-мае 2008 г. компанией КОМКОН под руководством и при финансовой поддержке ее директора – Е.Л. Коневой

“возрастных ступеней человека”⁴, он сравнивал человеческую жизнь с движением солнца и предложил делить ее на четыре отрезка (табл. 1).

Таблица 1.

Универсальная жизненная траектория человека, по К. Юнгу

Понятие	Метафора	Идеалы/задачи возраста	Дополнительные характеристики
Жизнь Детство (1-я четверть жизни)	Солнце Рассвет	Становление самосознания	Беспроblemное существование. Ребенок – проблема для других
Молодость (2-я четверть)	Позднее утро (до полудня)	Распространение своего влияния, продолжение рода в широком смысле, освоение природы и социального пространства, внешняя экспансия	Освоение жизненной проблематики
Зрелость (3-я четверть)	Послеполуденное время	Кульминация, инверсия идеалов, овладение культурой и развитие самости	Освоение жизненной проблематики
Старость (4-я четверть)	Закат	Усиление интравертированности, самоанализ и самопознание	Беспроblemное существование. Старик – проблема для других

Задачи обретения определенного финансового статуса, продолжения рода обычно решаются к середине жизни, отмечал Юнг. И тогда для многих встает вопрос: “Что же является целью во второй половине жизни?” Как считал ученый, стремление сохранять прежние цели неплодотворно. Если человек “застревает” на них, это приводит к неудовлетворенности, неврозам, страху старости и смерти.

На основе обширной психотерапевтической практики с пожилыми людьми Юнг пришел к выводу, что “мы не можем прожить вечер жизни по той же самой программе, что и утро, потому что того, чего много утром, будет мало вечером, а то, что верно утром, вечером будет уже неверно”⁵. Необходима подготовка к переменам середины жизни. Такой “школой” для людей после 40 лет практически во всех культурах, с точки зрения Юнга, выступает *религия*. Она наполняет содержанием вторую половину жизни: советует, рекомендует “вращивать” душу, внутренне совершенствоваться.

В древности старики почти всегда считались хранителями мудрости, традиций племени, таинств и законов, что обеспечивало им авторитет у молодых соплеменников. В современном постиндустриальном обществе пожилые люди теряют авторитет. В классификации М. Мид⁶ такое положение дел соответствует *постфигуративному* типу общества, в котором социальная жизнь меняется настолько быстро, что самые молодые становятся наиболее приспособленными, а жизненный опыт пожилых оказывается

⁴ Юнг К. Проблемы души нашего времени. – М.: Прогресс, 1994. – С. 185.

⁵ Юнг К. Проблемы души нашего времени. – М.: Прогресс, 1994. – С. 198.

⁶ Мид М. Культура и мир детства. – М.: Наука, 1988. – С. 422–423.

не востребуемым в силу изменившихся реалий, и им приходится ориентироваться на молодежь. В префигуративных обществах, где общественный прогресс медленен, подрастающее поколение просто заменяет предшественников и осваивает их социальные роли. В кофигуративных – социальные изменения протекают быстрее, каждое поколение вносит существенный вклад в обновление социальных институтов, обычаев, традиций.

По мнению Юнга, во второй половине жизни и у мужчин, и у женщин ярче проявляются черты противоположного пола. Женщины становятся более конкурентными, способными принимать решения и нести ответственность, а мужчины нередко демонстрируют больше мягкости, понимания, даже зависимости от других, чем это было в молодости. Ученый считает, что люди во второй половине жизни начинают использовать психологический резерв свойств противоположного пола, который был нереализован ранее, когда личность осваивала и расходовала гораздо больше гендерно-специфичных черт. Многие американские женщины во второй половине жизни начинают успешно управлять семейным бизнесом, и наоборот, нередки случаи, когда мужчины в 45–50 лет разоряются и не знают, как строить свою жизнь дальше.

С середины XX в. в зарубежной, а затем и в отечественной науке растет интерес к комплексным концепциям развития человека, траекториям его жизненного пути. Причины этого интереса проанализировал американский социолог Ф.Хадсон⁷. Он обратил внимание на следующие изменения, произошедшие в XX в.:

1. Старение населения в развивающихся странах. В США в 1984 г. число тех, кто перешел 65-летний рубеж, впервые сравнялось с числом подростков, численность американцев старше 65 лет с 1950 г. удвоилась. Если в 1991 г. средний возраст в Америке был 35 лет, то, по прогнозу ученых, к 2025 г. он достигнет 40. В то же время все больше пожилых людей сохраняют продуктивный образ жизни.

2. Современный мир становится все меньше похожим на мир, в котором жили наши родители. Они находили стабильность в социальных составляющих жизни – семье, работе, местном сообществе, стране и пассивно двигались через “средний” возраст с верой в то, что существуют определенные фиксированные правила и роли для старения. Сегодня гораздо меньше правил и гораздо больше выборов для реализации жизненной стратегии на этом жизненном этапе. Благодаря средствам массовой коммуникации жизнь наших современников связана с международными событиями, как никогда ранее, она

⁷ Hudson F.M. The Adult Years. – N.Y.: Jossey-Bass Publishers, 1991. – 352 p.

более изменчива, менее безопасна, но несет больше возможностей, хотя и более туманных.

3. Сегодня люди живут на 25 лет дольше, чем в начале века. В 1776 г. ожидаемая продолжительность жизни была около 35 лет, медиальный возраст населения составлял 16 лет. В 1886 г. ожидаемая продолжительность жизни — 40 лет, медиальный возраст — 21 год. В 1920 г. типичная женщина могла бы прожить 54 года; ожидаемая продолжительность жизни для женщин, родившихся в 1988 г., — 78 лет; для женщин, родившихся в 2040 г., продолжительность жизни составит 91,5 лет. Соответствующие показатели для мужчин: 53 года, 71 год и 85,9 лет.

4. Интимность проявляется в разных формах и имеет разные источники. С появлением эффективного контроля за рождаемостью во второй половине XX в. социальные модели интимности существенно изменились. У людей есть выбор, невозможный для предыдущих поколений, — вступать ли в брак; становиться ли родителями; разводиться или сохранять брак. В некоторых странах легализуются гомосексуальные и лесбийские отношения, чего не было раньше.

5. Отдых и здоровье становятся все более важными жизненными ценностями. В течение последних двух десятилетий в США резко изменилось отношение к отдыху, питанию, курению, физическим упражнениям и контролю над стрессом. Здоровье становится ключевым понятием для самоуважения и ощущения полноты жизни.

6. Людям предстоит реализовать несколько профессиональных карьер на протяжении жизни. Это соответствует быстро меняющимся социальным условиям и позволяет личности осуществить более полную самореализацию. Наряду с увеличением продолжительности жизни наблюдается увеличение периода активной трудовой деятельности, связанное с повышением ценности здоровья и желанием сохранять активный образ жизни как можно дольше.

Основоположником теорий социального развития личности в “среднем возрасте” стал Э. Эриксон⁸. Он утверждал, что каждый человек от рождения до смерти проходит через восемь стадий развития идентичности.

⁸ Эриксон Э. Детство и общество. – М., 1996. – 592 с.; Erikson E.H. Identity and the life cycle. – N.Y.: International Universities Press, 1959. – 192 p.; Erikson E.H. Identity: Youth and Crisis. – N.Y.: W. W. Norton, 1968. – 336 p.; Evans R. I. Dialogue with Erik Erikson. – N.Y., 1969. – 144 p.

Ключевым понятием для него является идентичность личности. По его мнению, каждый возраст характеризуется определенной задачей и двумя возможными полюсами становления личностной идентичности — положительным и отрицательным. Например, позитивной возможностью становления идентичности в младенческом возрасте выступает формирование “доверия к миру”, негативным же — “недоверие к миру”, что определяется характером отношений ребенка с ухаживающим за ним взрослым. Эриксон полагает, что формирование отрицательного полюса идентичности на определенном этапе развития не является фатальным, оно может быть преодолено в ходе решения задач на последующих фазах.

“Средний возраст”, по Эриксону, охватывает период от 30 до 60-65 лет. Позитивным полюсом развития в это время является формирование *производительности (generativity)*, которая у мужчин выражается преимущественно в творчестве, а у женщин — в рождении и воспитании детей. Во все, что делает человек, вкладывается частичка его “Я”, и это приводит к личностному обогащению. А в качестве отрицательного полюса идентичности выступает сосредоточенность на себе, что приводит к *косности и застою (stagnation)*. В этом случае возникает “физическая и психологическая инвалидизация” личности.

Ученый вводит понятие “*мораторий*”, присущее в первую очередь молодежи. “...это период отсрочки, предоставляемый тому, кто не готов принять обязательства... Под психосоциальным мораторием мы подразумеваем отсрочку от взрослых обязательств, но все же это только отсрочка”⁹. В традиционных обществах такие члены общины на определенное время получали “промежуточный” статус между молодым и взрослым человеком. Последователи ученого утверждали, что современные постиндустриальные общества могут предоставлять неограниченный мораторий тем, кто затрудняется с формированием своей взрослой идентичности.

Методически концепция Эриксона базировалась на этнографических исследованиях (жизни в индейских племенах сиу и юрок в США) и данных психотерапии. Никаких количественных исследований ученый не проводил.

Предложенная им модель развития личности (и понятие идентичности) оказалась востребованной его последователями. Так, Дж. Марсиа¹⁰ с коллегами в 1993 г.

⁹ Erikson E.H. Identity: Youth and Crisis. – N.Y.: W. W. Norton, 1968. – P. 168.

¹⁰ Marcia J. E., Waterman A. S., Matteson D.R., Archer S. L., & Orlofsky J. L. (Eds.). Ego Identity: A Handbook for Psychological Research. – N.Y.: Springer-Verlag, 1993. - P. 22-41.

опубликовали работу, посвященную исследованию статусов идентичности у мужчин. Они выделили четыре таких статуса на основе биографических интервью с респондентами, дав им метафорические названия — хранители (Foreclosures), достижения (Identity Achievements), мораторий Я (Moratoriums) и диффузия Я (Identity Diffusions). Среди американских мужчин наибольшей социальной успешностью отличались достижения и мораторий Я. Остальные две группы были менее успешными.

Эти изыскания продолжила Р. Джосселсон¹¹, которая провела лонгитюдное исследование статусов идентичности у женщин — студенток третьего курса колледжа. Через 12–14 лет интервьюирование было повторено. К этому времени испытуемые достигли возраста 32–34 года. Джосселсон выделила те же типы статуса идентичности, что и у мужчин. Однако оказалось, что в большей степени удовлетворены жизнью хранительницы и достижения. Джосселсон предположила, что в американском обществе сохранялись ожидания более традиционного поведения от женщин, поэтому хранительницы более удовлетворены своей жизнью (они следуют образцам “хорошей девочки”, которые вынесли из родительской семьи). А женщины, находящиеся в моратории, менее довольны своей судьбой, поскольку поиск неповторимой идентичности остается частью социального “мужского” образа.

Помимо сопоставления теоретических подходов различных авторов необходимо определиться с границами возрастного отрезка жизненного пути личности, выбранного для анализа в качестве “среднего возраста”. Такие границы носят во многом конвенциональный характер и культурно-исторически варьируют, но с учетом сложившейся исследовательской традиции особое внимание мы решили уделить результатам качественного исследования Дж. Левинсона¹². Он провел биографические интервью с мужчинами в возрасте 40–45 лет четырех разных профессиональных групп по 15 человек в каждой (университетские преподаватели; мужчины-писатели; биологи и работники физического труда (рабочие предприятий, персонал автозаправочных станций, повара и т.д.). Проанализировав полученные данные, Левинсон предложил свою концепцию жизненного пути личности. Он разделил человеческую жизнь на четыре больших отрезка, назвав их “сезонами” жизни. Первый — “предвзрослость”, которая завершается с окончанием школы. Второй — *ранняя взрослость*, начинающаяся примерно в 22 года и продолжающаяся до 40 лет. Третий — *средняя взрослость*, охватывающая период примерно от 45 до 60 лет. И, наконец, заключительный

¹¹ Josselson R. Finding Herself (Pathways To Identity Development in Women. – San Francisco, California, 1987.

¹² Levinson D.J. The seasons of a man's life. – N.Y.: Ballantine Books, 1979.

жизненный этап — *поздняя зрелость*, которая длится от 65 лет (возраст выхода на пенсию в США) и до конца жизни. Сезоны жизни соединены между собой “переходами”, ведь невозможно уснуть молодым взрослым, а проснуться человеком зрелых лет (см. табл. 2).

Таблица 2.

“Сезоны” жизни по Д.Левинсону

Сезоны жизни	Краткое содержание	Переходные периоды
Предвзрослость (0–17–18 лет)	Рост, развитие в рамках родительской семьи, усвоение социальных норм	Переход к ранней зрелости (17–18 лет – 22 года). Окончание отношений детства и формирование первых отношений в мире взрослых людей. Формирование индивидуального стиля жизни
Ранняя зрелость (22–40 лет)	Построение карьеры, создание семьи, формирование дружеского круга, политических и религиозных предпочтений	Переход к средней зрелости (40–45 лет). Осознание, что молодость проходит, пересмотр отношения к разным сторонам жизни
Средняя зрелость (45–60 лет)	Осознание завершения карьерного роста, изменение отношений в семье (в связи с окончанием активного родительства), пересмотр отношения к здоровью и модификация образа жизни	Переход к поздней зрелости (60–65 лет). Осознание приближающегося пенсионного возраста и перестройка жизненных планов в связи с этим
Поздняя зрелость (65– ... лет)	Акцент на досуге, выбор хобби, пересмотр отношений с родственниками в связи с изменением социального статуса. Модификация образа жизни	

Работа Левинсона вызвала не только значительный интерес, но и существенную критику, которая касалась прежде всего того, что им был рассмотрен жизненный путь только мужчин. Позднее он провел аналогичное качественное исследование женщин¹³. Были выбраны три группы женщин (40–45 лет), по 15 человек каждая (домохозяйки; преподаватели колледжей и университетов и менеджеры корпораций). Как выяснилось, женщины проходят через те же “сезоны” жизни, что и мужчины. Однако социальное развитие работающих американских женщин сложнее, чем мужчин. Основной ценностью мужчины является работа/карьера, тогда как женщины, делающие карьеру, пытаются совмещать ее с ролью жены и матери, что не всегда им удается. Совмещение профессиональных ролей с семейными делает жизнь женщин более драматичной и напряженной, но можно предположить, что своеобразная опора на “две ноги” увеличивает вероятность их социальной адаптации, особенно в период социального кризиса.

¹³ Levinson D.J., Levinson J.D. The seasons of a woman's life. – N.Y.: A.A.Knopf, 1996.

Мы выбрали для нашего исследования представителей “средней взрослости”, а именно респондентов в возрасте 45–54 лет (несколько уменьшив верхнюю границу с учетом меньшей продолжительности жизни в России). Для качественной части проекта мы снизили нижнюю границу до 40 лет, а сам “средний возраст” разбили на два диапазона.

Другое направление в изучении “среднего возраста” представлено моделью П. Перуна и Д. Биелби¹⁴, по которой этот период — уникальный для каждого человека, но сообразующийся последовательностями закономерных жизненных событий, составляющих своеобразное культурно-исторически заданное “жизненное расписание”. Авторы этой концепции рассматривают жизненный путь как значительное количество *временных последовательностей событий* — пережитого опыта или неких внутренних изменений. Такими временными “цепями” событий являются телесные изменения, стадии семейного цикла, развитие Я, сдвиги в профессиональных и гендерных ролях. Каждая из них обладает своим “расписанием”, своей скоростью изменений. Вместе с тем все они “погружены” в определенное “историческое время” (поскольку человек является членом возрастной когорты), связаны друг с другом определенными отношениями и образуют некое целое. Эти отношения могут быть двух типов: *синхрония* и *асинхрония*. В первом случае временные последовательности различных событий согласованы друг с другом и снижают уровень стресса, переживаемого личностью. Во втором — наоборот, два или более из них “выпадают из расписания”, что переживается как стресс или личностный кризис.

Еще одно междисциплинарное направление — подход *life-span development* (развитие на протяжении всей жизни). П. Балтес и его коллеги¹⁵ развитие понимают как процесс, *длящийся всю жизнь*. При этом, по мнению Балтеса, никакой отдельный период жизненного цикла (например, молодость) не является основным пунктом сосредоточения наиболее важных процессов развития¹⁶. Исследователи выделяют три группы факторов, определяющих многоаспектное развитие личности на протяжении жизни. Сила их воздействия зависит от возраста человека. На рисунке 1 показано взаимодействие этих факторов в разные периоды жизни людей.

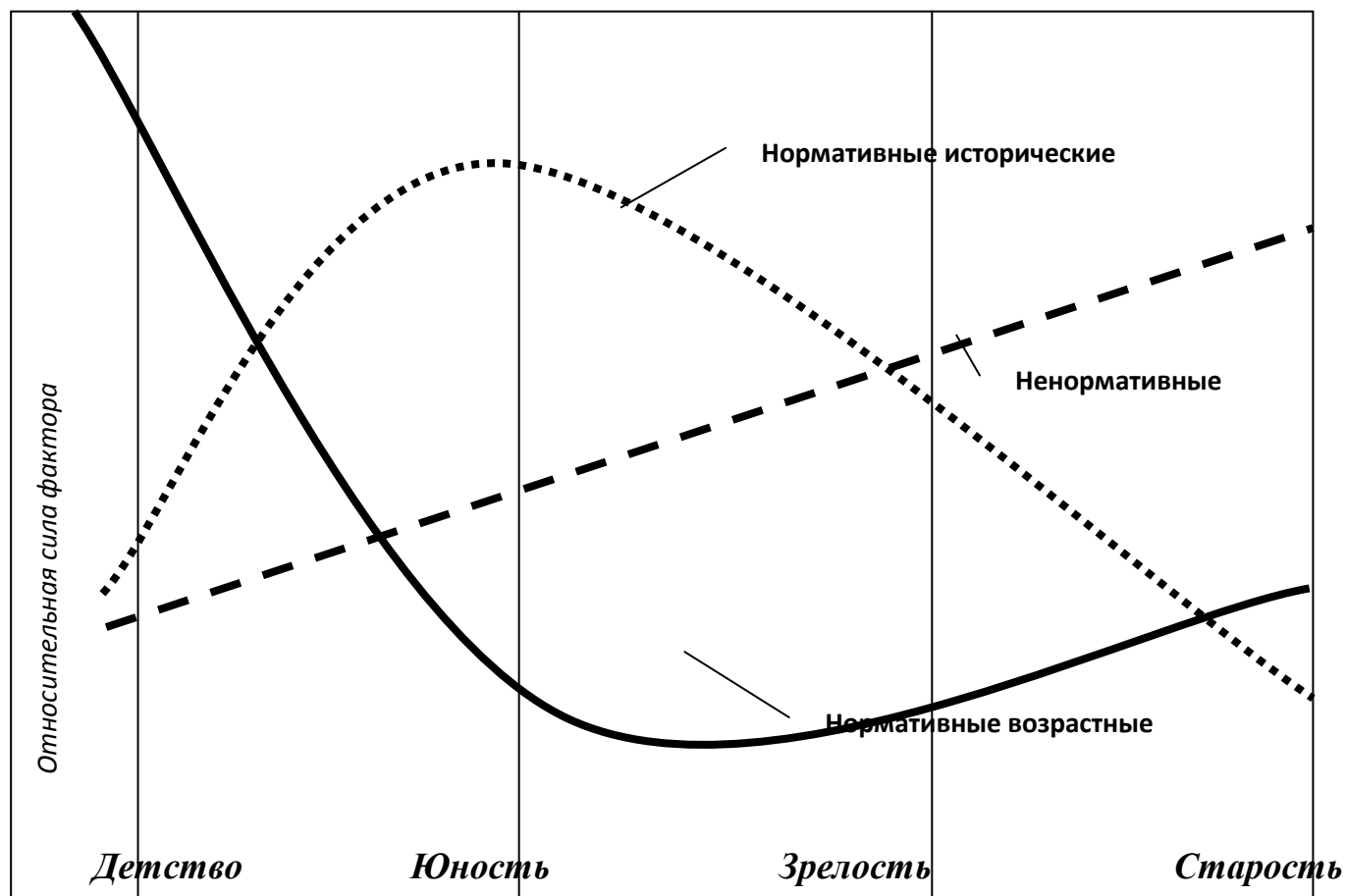
¹⁴ Perun P.J., & Bielby D.D. Structure and dynamics of the individual life course // K.W. Back (Ed.), Life course: Integrative theories and exemplary populations. AAAS Selected Symposium 41. – Boulder, CO: Westview Press, 1980.

¹⁵ Baltes P.B., Reese H.W. & Lipsitt L.P. Life-span developmental psychology // M. R. Rosenzweig & L.W. Porter (Eds.), Annual review of psychology. – Palo Alto, CA: Annuals reviews, 1980. – P. 65-110.

¹⁶ Балтес П.Б. Всевозрастной подход в психологии развития: исследование динамики подъемов и спадов на протяжении жизни // Психологический журнал. – 1994. Т.15. – №1. – С. 63.

Рисунок 1.

Профиль действия нормативных и ненормативных факторов на протяжении человеческой жизни

1. *Нормативные возрастные факторы* — биологические и социальные события, происходящие в предсказуемом возрасте (например, пубертат, менопауза, поступление в школу, призывной возраст, уход на пенсию и т.п.).

2. *Нормативные исторические факторы* — исторические события, практически одновременно затрагивающие всю возрастную когорту (войны, экономические спады, эпидемии и т.д.).

3. *Ненормативные факторы* связаны с личными событиями, происшествиями и переменами в жизни человека (развод, потеря работы, перемена места жительства, непредвиденные жизненные утраты или внезапное везение, изменения в карьере и т.п.).

На начальных и конечных этапах жизненного цикла отмечается больший вес нормативных возрастных факторов; при этом для юности характерно уменьшение значения биологических (связанных с созреванием организма) и повышение важности социальных (нормативных исторических) факторов, а для старости — накопление ненормативных, индивидуальных событий. Для людей зрелого возраста характерно

снижение значимости биологических факторов, так как им присуще стабильное биологическое функционирование. Влияние нормативных исторических факторов тоже снижается, поскольку к этому возрасту формируются экономические, социальные и личностные ресурсы, позволяющие противостоять негативным макросоциальным событиям. Удельный вес ненормативных факторов, напротив, постепенно возрастает на протяжении всей жизни.

В нашем исследовании мы пытались проследить, какие факторы влияют на жизнь людей “среднего возраста”. Это приобретало особый смысл, поскольку выбранная нами возрастная группа, находясь на начальном этапе взрослости, пережила трансформации 90-х годов, которые можно рассматривать в качестве нормативных исторических (затрагивающих практически всех представителей поколения) событий.

На предварительном этапе исследования использовались количественные данные TGI-Russia¹⁷ для разработки авторской типологии личностной идентичности россиянина “среднего возраста”. Далее из более 260 стилевых высказываний, предполагающих пять возможных вариантов согласия/не согласия респондента, включая промежуточный («ни то, ни другое»), было отобрано 78. Они были объединены в четыре группы в соответствии с выделенными типами (с опорой на концепцию идентичности Дж. Марсиа и Р. Джосселсон). В ходе анализа полученных данных описание этих типов уточнялось или модифицировалось. В частности, по результатам факторного анализа (методом главных компонент) исключены 19 высказываний, не обеспечивших дифференциацию выделенных типов¹⁸.

По данным кластерного анализа (методом К-средних), выделено 4 сегмента. Каждый из них обратно коррелировал друг с другом (отрицательные значения коэффициента корреляции варьировали в пределах 0,15-0,41). Респонденты, уклонявшиеся (не отвечавшие или выбирающие промежуточный вариант ответа — около 10% всей выборки) от ответов на более чем половину вопросов, были сначала исключены из анализа, но затем, после выявления их сходства с сегментом диффузия Я (около

¹⁷ Исследование Target Group Index-Russia проводится с 1996 г. в 70 городах России с населением 100 тыс. человек и более. Генеральная совокупность — 62,5 млн. человек (в возрасте 10 лет и старше). Годовой объем выборки — более 19 000 домохозяйств (37 500 респондентов), равномерно распределенных на 4 волны исследований ежегодно. Выборка стратифицирована по 12 экономико-географическим регионам или по 7 федеральным округам (отдельно — Москва и Санкт-Петербург) и по трем уровням городского населения (>1млн, 0.5-1млн, 0.5млн — 0.1млн.). В каждом городе выборка распределяется пропорционально численности населения административных округов. Домохозяйства отбираются из адресной базы данных случайным образом. Техника заполнения — смешанная (интервью по месту жительства и самозаполнение). В 2007 г. опрошено 36 183 респондента, из них в возрасте 45-54 года — 6422.

¹⁸ Математическая обработка проводилась руководителем отдела обработки данных КОМКОНа Е.Р. Масловой.

6%) были присоединены к типу диффузия Я. В результате содержательное наполнение и частично названия выделенных типов Я-идентичности в «среднем возрасте» претерпели существенные изменения (табл. 3).

Таблица 3.

Типы Я-идентичности в «среднем возрасте»

По Дж. Марсиа/Р. Джосселсон		Российские	
Тип	Краткое описание	Тип	Краткое описание
Хранители	Традиционализм в следовании нормам культуры, родительским стандартам. Основная психологическая потребность — безопасность и постоянство. «Укорененность — в семейном «гнезде». Мужчины не удовлетворены жизнью.	Хранители	«Семейность», рачительность Настойчивость Уважение сверстников Приверженность социальным нормам Интерес к другим культурам, природе, экологии Контроль своего питания (предпочтение здоровой полезной пищи) Высокая потребительская активность («шопоголики»)
Достижenci	Индивидуализированная идентичность. Гибки, открыты новому опыту. Независимы от внешних источников уважения. Основная потребность — независимость.	Достижenci	Ориентированность на карьеру, инновации, менеджмент Самодостаточность и спонтанность Жизнь в настоящем Склонность к риску Ценность творчества, духовности Приобщенность к технологическим новинкам (в т.ч. Интернету) При низкой потребительской активности символическое (престижное) и новаторское потребление Выражены диетические предпочтения в питании
Мораторий Я	Нетрадиционны — тестируют новые жизненные возможности. Мужчины социально адаптированы и успешны. Основная потребность — исследование разных сторон жизни. Основная задача — изживание чувства вины за экспериментирование. Высокий уровень рефлексии. Мужчины — социально успешны и удовлетворены жизнью.	Аутсайдеры	«Плывут по течению», ностальгируя «Замкнуты» на себя и дом Пренебрегают здоровым питанием, образом жизни Отчуждены от новых технологий Не ориентированы на моду, мнение других Средний уровень потребительской активности
Диффузия Я	Нет кризиса идентичности. Низкие показатели по параметрам психического здоровья. Незрелая идентичность. «Перекаати поле» — часто меняют профессию, место жительства. Укоренены в социуме через внешнюю принадлежность (супругу, религии, работе...) Значимость и важность авторитетов. Мужчины не удовлетворены жизнью.	Негативисты	Склонны к отрицанию, спору, даже внутренне противоречивому «Разрушители» Уклоняются от выражения собственных ценностей Нет стремления к информированности, обучаемости

Первые два типа Я-идентичности (хранители и достиженцы) изменились незначительно, сохранив свои названия и доминирующую оппозицию семья-работа.

Мораторий Я приобрел акцентированные параметры социальной эксклюзии (добровольной или вынужденной), дистанцированности от социальных институтов, «бегство» в частную личную жизнь. Этот тип личностной идентичности представлен людьми, которые не искали своего места в новых социально-экономических условиях и продолжали прежний жизненный путь. Поэтому более точным его названием стало аутсайдеры.

Диффузия Я приобрела одну из национальных черт — негативизм (негативисты), причем речь идет не просто о проявлении древнейшего архетипа «мы-они» (Б.Ф. Поршнев), позволяющим сформировать собственное Я, отталкиваясь от других, «зеркализируя» их с противоположным знаком. Этот негативизм направлен на собственное Я: главным становится отрицание любых суждений, тотальный критицизм окружающего, распространяемый в том числе на себя самого. В свое время Г. Гачев при анализе русской ментальности в русской поэзии отметил: в отличие от рациональной логики Запада, русские начинают не с «тезиса» (некоего утверждения), а с его отрицания («Нет, я не Байрон...»; «Нет не тебя так пылко я люблю...» и т.п.). Далее становится важен сам процесс поиска позитивного формулирования мысли, который с неочевидностью оказывается завершенным¹⁹. Несомненно, «застревание» на таком отношении к миру неконструктивно. В пользу этого свидетельствует выделение российскими социальными психологами двух типов участников тренинговых групп, затрудняющих групповую работу: «великий ворчун» и «Фома неверующий». «Стержнем» этих поведенческих моделей является тотальное обесценивание всего происходящего в группе. При этом, если у «ворчуна» негативизм локален (связан с одной-двумя проблемами), то цинизм и скептицизм «Фомы неверующего» распространяется на всё²⁰.

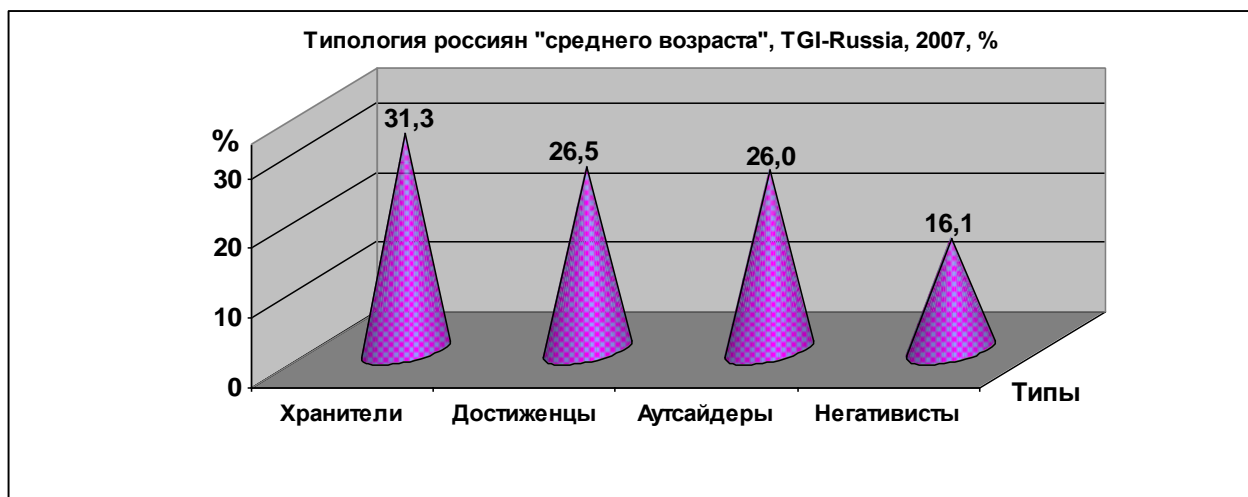
Качественное исследование «среднего возраста» проводилось в Москве и состояло из двух частей: биографических интервью, которые в первую очередь были призваны прояснить социальные и психологические особенности «жизненной траектории» представителей поколения «среднего возраста», и фокус-группы, цель которых состояла в выявлении потребительских ориентаций.

¹⁹ Гачев Г. Ментальности народов мира. – М.: ЭКСМО, 2006. – С. 211.

²⁰ Кондратьев М. Ю., Ильин В. А. Азбука социального психолога-практика – М.: ПЕР СЭ, 2007. - 464 с.

Для детального количественного анализа была выбрана возрастная группа 45-54 года. Выделенные типы россиян «среднего возраста» распределились следующим образом (рис. 2).

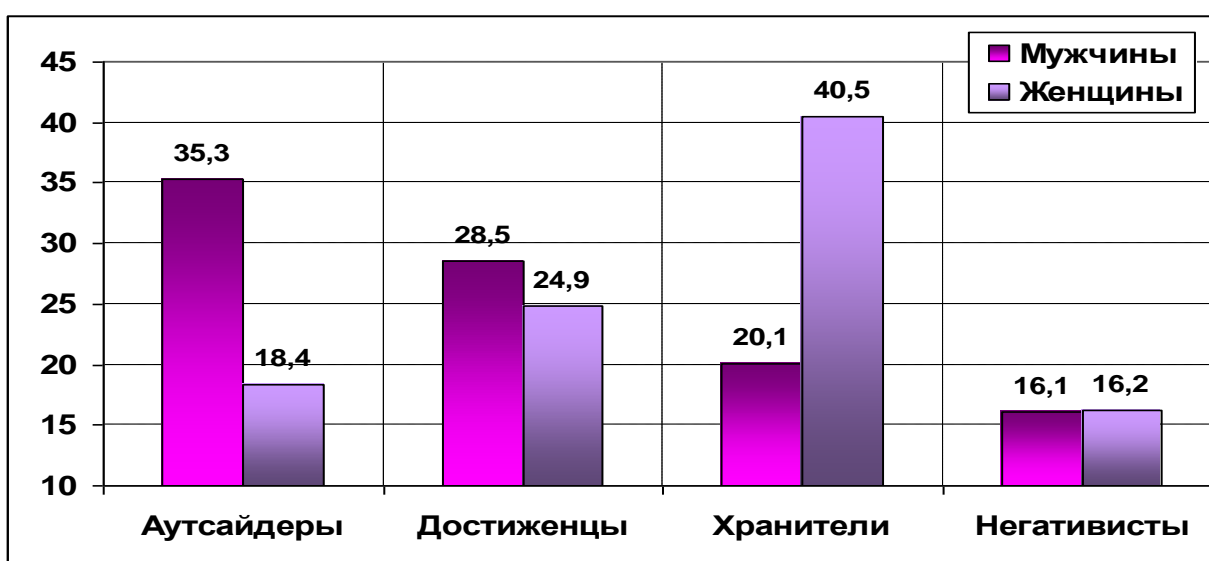
Рисунок 2.

Наиболее представленными оказались первые три типа Я-идентичности, в сумме составившие почти 85% 45–54-летних россиян. А лидерство принадлежит хранителям, на них приходится 31,3%.

Рисунок 3.

Гендерная специфика типологии россиян «среднего возраста», TGI-Russia-2007, %

Вместе с тем следует иметь в виду, что доминирование хранителей, ориентированных на традиционные, в первую очередь семейные ценности, достигается преимущественно за счет женщин (рис. 2). Более того, гендерные различия по всем типам (кроме, негативистов) статистически значимы (здесь и далее уровень значимости принимается за $p \leq 0,05$).

При этом «мужскими» типами оказались достиженцы и особенно аутсайдеры. Если первые традиционно отражают стереотип маскулинности (мужественности), в соответствии с которым мужчины ориентируются на достижение результатов (прежде всего в профессиональной деятельности), то преобладание мужчин среди вторых, возможно, отражает последствия «переходного этапа» 1990-х годов и связано с неудачной апробацией новых жизненных возможностей, стилей жизни и т.п.

Рискнем предложить три интерпретации этой закономерности.

1. Биологическая. Избыточная представленность мужчин среди достиженцев и аутсайдеров, а женщин среди хранительниц на социально-психологическом уровне — еще одно проявление эволюционной теории пола В.А. Геодакяна²¹: женщины, будучи генетически предрасположены и ориентируясь на традиционные неконкурентные нормы и ценности (хранительницы), выполняют роль некоего стабилизирующего начала и в период социальных потрясений только в этом качестве более личностно адаптивны. А мужчины, обладающие более разнообразным генетическим материалом, либо добиваются существенных социальных успехов (достиженцы), либо, оказавшись не востребованными, «бегут от реальности», занимают созерцательную позицию (аутсайдеры).

2. Социальная. Согласно гендерным стереотипам мужчины, исполняющие роль добытчика и ориентированные на работу/карьеру, в условиях социальных потрясений 1990-х годов, апробируя новые социальные возможности или «цепляясь» за прошлое (например, профессиональную квалификацию), больше рискуют «проиграть», оказавшись в аутсайдерах и обесценивая значение как семьи, так и карьеры. А россиянки, совмещающие профессиональные и семейные роли (что в стабильные, «застойные» годы обеспечивало им «двойной рабочий день» со всеми вытекающими последствиями), в условиях социального кризиса обладают возможностью для «маневра»: усилить профессиональную составляющую или семейную. Чаще они выбирают второй вариант

²¹ Геодакян В.А. Эволюционная теория пола // Природа. – 1991. – №8. – С.60-69.

(хранительницы), но это в значительной мере является «перераспределением» ценностных акцентов, что личностно переживается легче.

3. Социально-психологическая. Обратимся к одной из разработанных в КОМКОНе психологических шкал на данных TGI-Russia. Основанная на шкале «мужественности-женственности» Г. Хофштеде, она была преобразована в ось «смешение-разделение гендерных ролей». Раньше (в том числе в рамках некоторых психологических тестов) считалось, что выраженность у человека мужских черт автоматически означает уменьшение женских и наоборот. Но сегодня говорят о наличии еще двух вариантов: слабой (или наоборот — сильной) выраженности у одного человека как мужских, так и женских черт характера (что подразумевает «смешение ролей»)²². Аналогом «смешения ролей» является «андрогинность» — выраженность и мужских, и женских черт. В нашем случае андрогинность присуща людям, реализующим особенности как мужской, так и женской моделей поведения, ценящим свою внешнюю привлекательность стремящихся сохранить молодость и творчески относящихся к жизни. Четкому разделению мужских/женских ролей, напротив, соответствует стремление следовать традиционным моделям мужского и женского поведения.

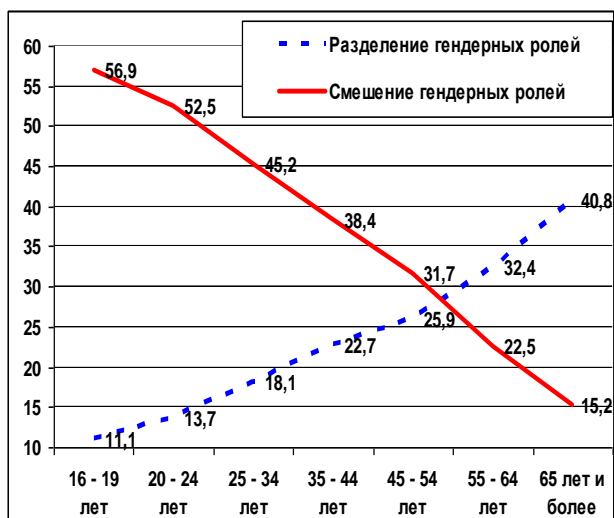
В России наблюдается весьма существенная половозрастная специфика (рис. 4).

²² Кон И.С. Ребенок и общество. – М.: Наука, 1988. – 336 с.

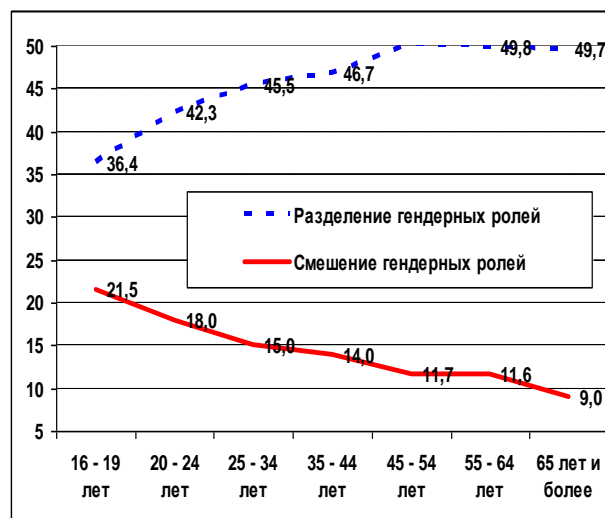
Рисунок 4.

Поло-возрастные особенности гендерной идентичности, TGI-2007, % соответствующей возрастной группы

Женщины, возраст 16+

Мужчины, возраст 16+

Горожане старше 55 лет предпочитают придерживаться четкого и однозначного разделения мужских и женских ролей (у мужчин это выражено более ярко). Чем меньше возраст (особенно у женщин), тем в большей степени допускается «взаимозаменяемость, взаимопроникновение» полов в повседневной жизни, а значит, реализуются обе модели поведения. В целом для женщин в возрасте 45-54 года значимость «черно-белого» и взаимодополнительного подхода к гендерным ролям одинакова.

Более рискованной, гипотетической и требующей проведения лонгитюдного исследования является интерпретация этих данных с точки зрения жизненного пути человека. Здесь можно утверждать, что:

у мужчин изначально (по крайней мере, с 16 лет) установка на четкое разделение гендерных ролей выражена сильнее, с возрастом она только укрепляется, достигая максимума в группе 45–54 года и стабилизируясь в дальнейшем; женщины, напротив, в юности в значительно большей степени ориентированы на смешение гендерных ролей, однако постепенно «специализация» полов становится для них все более значимой; более того, после 45–54 лет происходит «перелом» и в дальнейшем установка на разделение гендерных ролей оказывается более выраженной. В то же время повышение значимости

нормативных возрастных событий (уход взрослых детей из родительской семьи, завершение активного родительства, приближение к предпенсионному возрасту, а иногда и достижение его — при льготном летоисчислении, появление внуков и т.п.) после 54 лет обеспечивает большее сходство представлений мужчин и женщин о гендерных ролях.

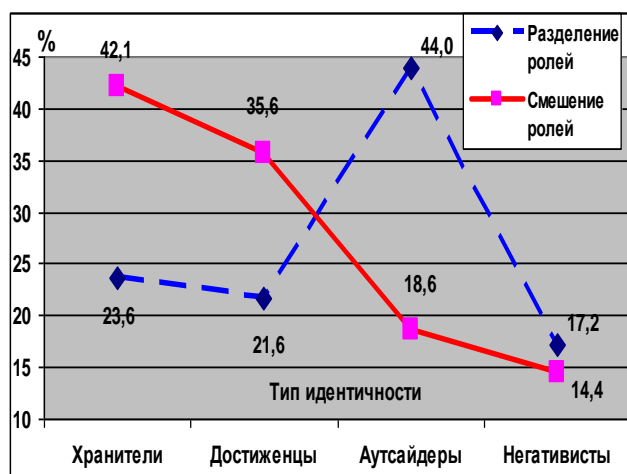
В пользу предположительной (с позиции развития в течение всей жизни человека) интерпретации этих данных свидетельствует ее согласованность с упомянутой теорией В.А. Геодакяна: жесткое следование мужчин поло-ролевым стереотипам увеличивает вероятность крайних вариантов их социальной (дез)адаптации, обеспечивая преобладание мужчин в типах Я-идентичности достиженцев и аутсайдеров в возрасте 45–54 года. В этой же возрастной группе у женщин почти в равной степени выражены разделение/смешение гендерных ролей, что обеспечивает их преобладание в умеренно социально успешном типе хранительниц.

В то же время более пристальный анализ обнаруживает дополнительную гендерную специфику (рис. 5). У женщин среди хранительниц и достиженок преобладает смешение гендерных ролей; у Негативисток не выражены оба полюса шкалы при несущественном преобладании разделения ролей, а у аутсайдеров оно преобладает (у мужчин наиболее ярко). Остальным мужским типам тоже присуще разделение ролей, но в меньшей степени.

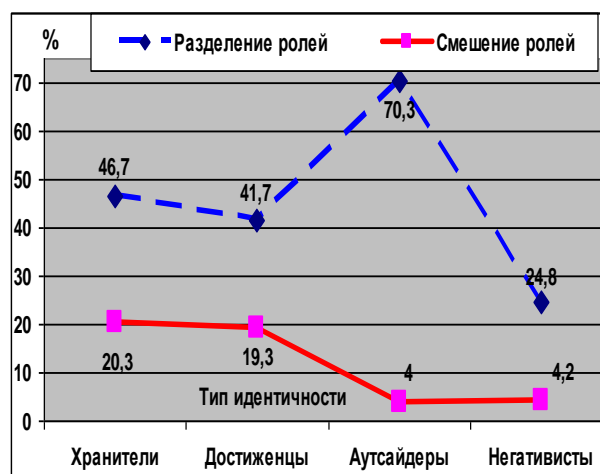
Рисунок 5.

Поло-возрастные особенности гендерной идентичности 45–54-летних, TGI-2007, %

Женщины

Мужчины

Таким образом, дистанцированность аутсайдеров от социальной жизни приводит к формированию у них когнитивно простого «жизненного мира» (Ф.Е. Василюк), центром которого является частная жизнь с четким разделением традиционных стереотипных гендерных ролей.

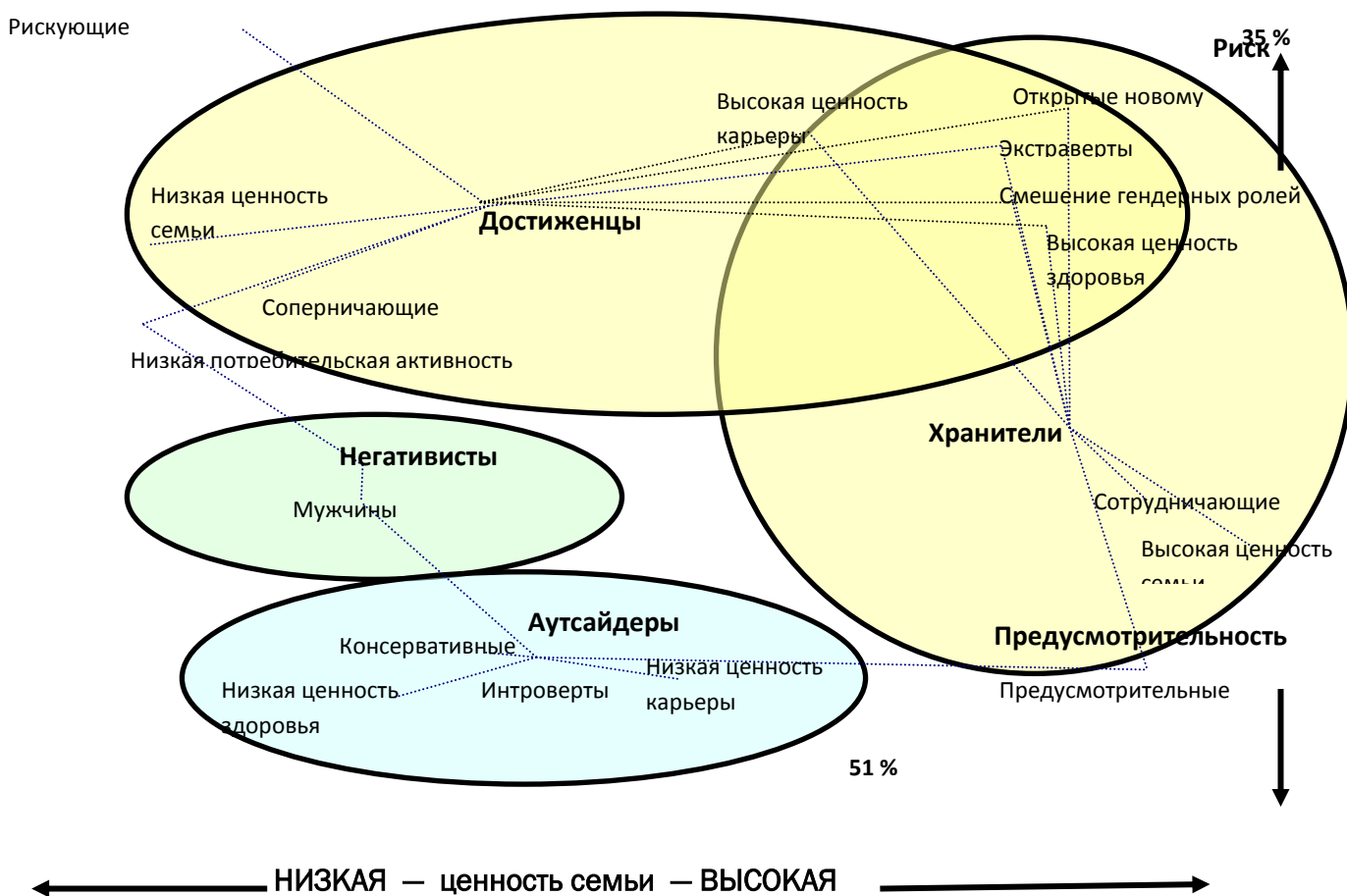
Наиболее социально успешные типы идентичности россиян «среднего возраста» (хранители и достижения) у женщин и мужчин являются «зеркально» дополнительными друг другу: у первых преобладает смешение гендерных ролей и меньше выражено их разделение, у вторых — наоборот. При этом, если наибольшая ролевая гибкость востребована у хранителей (в современных российских условиях, видимо, совмещающих профессиональные и семейные роли), то достижения-женщины (ориентированные на карьеру) обогащают свою Я-идентичность мужскими чертами, а достижения-мужчины умеренно акцентируют свою мужественность.

Отметим, что среди хранителей и достижений преобладают респонденты с (незаконченным) высшим образованием, а среди оставшихся, — напротив — с со средним (специальным).

Сотрудники КОМКОНа разработали ряд психологических шкал, позволяющих определить обобщенные характерологические черты и мировоззренческие инварианты представителей различных типов Я-идентичности россиян «среднего возраста» (рис. 6).

Обобщенный социально-психологический портрет типов Я-идентичности россиян «среднего возраста», %

Рисунок 6.

Горизонтальную ось (объясненная дисперсия — 51%) можно интерпретировать как высокую (справа) — низкую (слева) ценность семьи. Вертикальная ось (35%) — склонность к риску (верх) и предусмотрительность (низ).

Полученные данные, преобразованные в табличную форму (табл. 3), свидетельствуют о несовпадении наших результатов и результатов Р. Джоселсон об удовлетворенности жизнью женщин-хранительниц. Возможно, городские американки средних лет почти 30 лет назад сталкивались с более традиционными ожиданиями социума в отношении себя, чем москвички в 2008 г. У нас практически все женщины работали полный рабочий день. А единичные случаи статуса домохозяйки были вынужденными.

Примечательно также, что в рамках одного и того же типа Я-идентичности наблюдаются существенные гендерные различия, иногда — с учетом промежуточных переменных (например, отношение к деньгам у хранителей).

Литература

1. Балтес П.Б. Всевозрастной подход в психологии развития: исследование динамики подъемов и спадов на протяжении жизни // Психологический журнал. – 1994. Т.15. – №1. – С. 63.
2. Гачев Г.Д. Ментальности народов мира. – М.: ЭКСМО, 2006. – С. 211.
3. Геодакян В.А. Эволюционная теория пола // Природа. – 1991. – №8. – С.60-69.
4. Кон И.С. Ребенок и общество. – М.: Наука, 1988. – 336 с.
5. Кондратьев М.Ю., Ильин В.А. Азбука социального психолога-практика. – М.: ПЕР СЭ, 2007. – 464 с.
6. Мид М. Культура и мир детства. – М.: Наука, 1988. – С. 422–423.
7. Эриксон Э. Детство и общество. – М., 1996. . – 592 с.
8. Юнг К. Проблемы души нашего времени. – М.: Прогресс, 1994. – 336 с.
9. Baltes P.B., Reese H.W. & Lipsitt L.P. Life-span developmental psychology // M. R. Rosenzweig & L.W. Porter (Eds.), Annual review of psychology. – Palo Alto, CA: Annuals reviews, 1980. – P. 65-110.
10. Erikson E.H. Identity and the life cycle. – N.Y.: International Universities Press, 1959. – 192 p.
11. Erikson E.H. Identity: Youth and Crisis. – N.Y.: W. W. Norton, 1968. – 336 p.
12. Evans R. I. Dialogue with Erik Erikson. – N.Y., 1969. – 144 p.
13. Marcia J. E., Waterman A. S., Matteson D.R., Archer S. L., & Orlofsky J. L. (Eds.). Ego Identity: A Handbook for Psychological Research. – N.Y.: Springer-Verlag, 1993. - P. 22–41.
14. Hudson F.M. The Adult Years. – N.Y.: Jossey-Bass Publishers, 1991. – 352 p.
15. Josselson R. Finding Herself (Pathways To Identity Development in Women. – San Francisco, California, 1987. – 224 p.
16. Levinson D.J. The seasons of a man's life. – N.Y.: Ballantine Books, 1979. – 363 p.
17. Levinson D.J., Levinson J.D. The seasons of a woman's life. – N.Y.: A.A. Knopf, 1996. – 438 p.